

Чувство, будто он всё ещё видит сон, никак не отпускало — с этим ощущением Фрек и открыл глаза.

Удивительный сон.

Печальный и одновременно счастливый.

До жути реальный.

Ведь тот Фрек из сна чувствовал к Гелиосфере то же самое, что и он сам.

А значит, понял Фрек, сон этот, наверное, и есть будущее, которое вот-вот наступит.

Перебирая в памяти его подробности, пережёвывая это будущее, Фрек рассеянно глядел в незнакомый потолок.

— Фрек, где болит?

Видение перекрыло лицо — в поле зрения заглянули небесно-голубые глаза.

Зеркальные серебристые волосы и сегодня были прекрасны.

Черты искажало сильнейшее беспокойство.

«Ему ведь ещё лет десять или около того, вот и принимает всё так близко к сердцу», — с невольной нежностью подумал Фрек.

— Фрек... Я больше никогда не отпущу твоей руки... Я защищу тебя.

С этой клятвой, достойной рыцаря, его ладонь взяли в свою — и Фрек, стоило ему подумать, как не хочется делать несчастным такого сильного и доброго человека, расплакался.

— Гелиосфера-сама из дома Ньюно...

— П-почему ты так ко мне обращаешься?..

Глядя на растерянного Гелиосферу, Фрек принял решение больше никогда не звать его Рио.

Потому что тот Фрек из сна показал ему: детская привязанность однажды исчезнет без следа.

— Гелиосфера-сама...

В груди у Фрека всколыхнулись разом десятки чувств, и голос задрожал.

Слёзы лились рекой — хоть плакать было и бессмысленно.

— Я... до сих пор... всё время... вёл себя эгоистично. Мне нет никаких оправданий...

Фрек понял это благодаря сну.

Все его просьбы были эгоизмом.

Причём таким эгоизмом, в котором не было ни капли мысли о самом Гелиосфере.

Жестоким, уродливым, эгоистичным желанием.

А потому — с желаниями, с эгоизмом надо завязывать.

Но едва он так подумал, как стало до боли печально.

Однако эгоизм, который тревожит Гелиосферу, недопустим.

«Надо терпеть», — решил он и с трудом выдавил из себя извинения.

Гелиосфера изумлённо распахнул глаза.

Затем по его лицу пробежала трагическая складка, но постепенно, медленно оно озарилось тёплой улыбкой, и он принялся вытирать Фреку слёзы.

Закружились ледяные кристаллы.

Фрек сдерживался, чтобы глаза не вспыхнули.

А Гелиосфера, не обращая на это внимания, всё превращал и превращал неостановимые слёзы в кристаллы.

— Твой эгоизм — в нём есть своя прелесть. И в подлинном смысле это вовсе не эгоизм.

Нет, это не так.

И сегодняшние капризы, и их последствия — поступок, которого дворянину следовало бы стыдиться.

Я доставил неприятности и дому Ньюно, и Гелиосфере.

Упал, сильно ударился затылком, потерял сознание — ради меня наверняка вызывали врача.

А уложили в такую роскошную постель — хоть я и недостоин.

Дом Торино, должно быть, тоже в полном недоумении.

И потому, услышав сказанные ему слова, Фрек зарыдал в голос.

Не смог сдержаться.

Схватившись за одеяло, он плакал навзрыд.

Гелиосфера приговаривал: «Не плачь», — и вытирал ему слёзы.

Гладил по голове.

А потом приказал: «Фрек проснулся. Позовите врача ещё раз».

Нельзя, нельзя, нельзя.

Фрек понимал, что дальше так нельзя, — но отвергнуть утешения Гелиосферы не мог.

И от этого отчаяние становилось всё глубже.

Выплакавшись до изнеможения, он уснул.

<http://bllate.org/book/18053/1732737>